

На огненных рубежах

Category: Kitarpy, Taryhy makalalar

написано kitarpy | 22 января, 2025

На огненных рубежах НА ОГНЕННЫХ РУБЕЖАХ

74 лет отделяют нас от триумфа нашего народа, спасшего человечество от рабства и уничтожения, от события всемирно-исторического значения – дня Победы над гитлеровской Германией. Прошла целая эпоха, и вот уже пять поколений людей знают о Великой Отечественной войне 1941-45 г.г. только понаслышке и смогут рассказать о ней своим детям и внукам лишь то, что почерпнули из книг и кино. Неумолим ход времени, и потому так дороги нам слова-свидетельства солдат, которые вынесли на своих плечах выпавшие на их долю тяготы самой истребительной войны XX века и, одолев сильного и беспощадного врага, остались живыми. Одни из них приняли боевое крещение в сражениях накануне Победы. Другие с честью прошли многотрудный путь от Волги до Эльбы, от Москвы до Берлина. А третьих – их осталось совсем немного – война призвала под свои знамёна в полевых гарнизонах на срочной действительной службе. 86-летний Гоша ага Абаев, кавалер двух орденов Отечественной войны I-ой степени – из их числа.

... Над пенистой речкой Чорох в отвесных ущельях Аджарии давно отзвучал сигнал подъёма, и утреннее солнце высоко поднялось над казармами 1205-го зенитно-артиллерийского полка. В субботу' успешно закончились напряжённые тактические учения, и новый день обещал воинам долгожданный отдых. Солдаты и офицеры не спеша направлялись в клуб, где готовились к выступлению артисты из Батуми, а новое пополнение полка облюбовало для себя спортгородок. Ездовой Гоша Абаев, солдат на 2-ом году службы, пошёл взглянуть на Чёрное море с утёса в окрестностях лагеря: от родных долго не было писем, и он стал волноваться. Его безотчётно потянуло домой, в Туркмению, и, чтобы скрыть от других беспокойное чувство, он решил побыть наедине с самим собой. Тревожное предчувствие не обмануло сельского парня,

привыкшего прислушиваться к своему внутреннему голосу. На КПП Гоша поздоровался с однополчанами и остановился, чтобы послушать певицу из репродуктора, но песня и музыка оборвались – заговорила Москва: передавали срочное сообщение ТАСС, с каждым словом которого тревожно сжималось сердце. “... Сегодня, в четыре часа утра, без предъявления каких-либо претензий Советскому Союзу, без объявления войны, германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбёжке со своих самолётов наши города – Житомир, Киев, Севастополь ... “

“ Севастополь рядом: по прямой он от Базуки почти, что Баку от Красноводска ... Домой скоро не вернусь ... Нужно бить фашистов! “ – молнией вспыхивали мысли и обжигали сознание. Но Гоша, словно скинув с себя непосильную ношу, повернулся и легко зашагал к своим – в огневой взвод зенитно-пулемётной роты горной артиллерии полка.

Всё так же светило солнце, дул с моря освежающий ветер и пели птицы в лесных зарослях по склонам гор, но вмиг всё изменилось в душе, и не было возврата к мирной жизни. Пошёл отсчёт военного времени. Днём и ночью, по несколько раз в сутки, пронзительно выли сирены в батумском порту: всё чаще подымали солдат по тревоге на марш-броски, полигоны и стрельбища; учились бойцы прилежно и старательно: все с нетерпением ждали отправки на фронт, и приказ об этом не заставил себя ждать.

Абаев занимался конной упряжью, когда услышал голос комроты: “Всё, ребята, поехали! “ Гоша потрепал вороного за холку и сунул ему в мокрые губы кусок рафинированного сахара: “ Прощай, Карагёз! “ Батарейцы быстро, подцепили к подогнанным полуторкам 37-миллиметровые автоматические пушки, загрузили в кузов четыре крупнокалиберных пулемёта, втиснули взводное имущество и запылили по дороге к железнодорожной станции. От Батуми до Кобулети поезд с солдатами шёл вдоль черноморского побережья, мимо роскошных, но обезлюдивших пляжей – не до отдыха было народу: уже гремело Смоленское сражение, продолжалась героическая оборона Киева, Одессы, военно-морской базы на полуострове Ханко, началась битва за Ленинград – на родной земле полыхала священная война.

Ранним утром 31-го августа прибыли в Баку. Здесь, в Сальянских казармах, два года назад Гоша начал свою службу в составе 33-го прожекторного батальона войск ПВО. Шумливый многоликий город с весёлой открытой душой почти не изменился с тех пор, если не считать наплыва военных и огромных толп провожающих и призывников с вещмешками на причалах морского вокзала и на перронах железнодорожных станций, где все проходы заняли беженцы с детьми, чемоданами и узлами. Пройтись по улицам, как это было в мирное время, Гоше не пришлось: маршевым эшелонам отводилось на переформирование минимум времени. В тот же день, вечером, они двинулись на север...

За Кизляром начались сухие ногайские и калмыцкие степи. Запах степных трав врывался с ветром в раскрытые двери теплушек. На разъезде вблизи станции Улан Хол сделали остановку. Солдаты сыпанули с платформ и из вагонов кто куда. Гоша сорвал полынь, растёр между пальцами и поднёс к носу: пахло явшаном и туркменской степью. Прозвучал гудок паровоза. Абаев приколот пахучую веточку к пилотке, запрыгнул на ходу в вагон и сел, прислонившись к косяку двери.

Загрустил, земляк?! – подмигнул ему сержант е гармонью. – На, закури “. Гоша отказался, но попросил: “Сыграй свою, самую любимую ... “ В тотчас ожили меха, заплясали в руках гармониста, и полилось: “Эх, полным-полна моя коробушка, есть в ней ситец и парча ... “ Песню подхватили, и она в переливчатых посвистах, удалых припевах вырвалась на свободу и вольной птицей взмыла в небо.

Глядя на поющих ребят, Гоша думал о своём, в мыслях уносясь в родные края. Он видел аул Кабыл в день своего призыва в армию 15 октября 1939 года и старого Аба Аннагельдыоглы. Отец нёс заплечный мешок с собранными для сына в дорогу бельём, ватником, обувью и двумя пиалами с парой деревянных ложек, аккуратно завёрнутых матерью в лёгкое одеяло. Прощаясь, отец прижал сына к груди и попросил его беречь себя ... Поезд набирал скорость, раскачивались вагоны, стучали колёса на стыках рельсов под звуки залихватской песни, и Гоше казалось, что сама степь закружилась заобструганные черенки и редко кто – винтовку: стрелкового оружия не хватало. Только дозорные, и

среди них Абаев, чутко прислушивались к шорохам холодной ночи и всматривались воспалёнными глазами во тьму Бородинского поля. Впереди зенитчиков стояли дальневосточные полки 32-ой Краснознамённой стрелковой дивизии. Им предстояло первыми вступить в бой с панцирными армадами Третьего рейха.

События развивались быстро. В ежедневных боях мужали воины-батарейцы. Росло их мастерство и отвага. Но, несмотря на всё это, в последний день сентября 41-го года у многих дрогнуло сердце, похолодело в груди, когда бомбардировщики с паучьими свастиками и крестами закрыли собой всё небо. Навстречу им, кромая тучи стервятников, понеслись с земли трассирующие снаряды и бронебойно-зажигательные пули, и тут же засвистели бомбы; тысячи тонн смертоносного металла обрушились на головы солдат – над нашими позициями в хаосе дыма, земли и копоти встала стена разрывов. От непрерывной стрельбы пулемётов, даже когда они молчали, из стволов вырывались красные языки пламени. Кое-где гитлеровцы просочились между боевыми порядками дальневосточных полков и вышли к земляным бастионам зенитно-артиллерийской батареи. Гоша Абаев вёл прицельный огонь и по самолётам, и по наземным целям противника одновременно.

Атаки и контрудары продолжались с переменным успехом до середины октября, а потом началось отступление: фронт на участке 32-ой дивизии был прорван. Батарея, где служил Абаев, оказалась на передней линии. Приказ об отступлении запоздал: противоборствующие войска вклинились друг в друга, перемещались и закружились в смертельной схватке. На батарее не успевали отправлять раненых в санчасть, убитых хоронили в вырытых снарядами и бомбами воронках. Не хватало лошадей. В спешке грузили пулемёты на повозки, запрягали в них уцелевших тяжеловозов и гнали из зоны обстрела. На руках выносили “сорокопятки” и 37-миллиметровые пушки; богатырские кони исчезали с ними в пыльной завесе. Гоша с группой батарейцев, ещё не ушедших с позиций, пытался вытащить 76-миллиметровое орудие, но без тягача ничего не получалось. Тогда Абаев рванулся в самое пекло и скоро вернулся на лёгком танке Т-60 с двумя танкистами. “ Думал, не вернёшься, в Москву за махоркой

утёк “, – добродушно встретил его пожилой старшина роты Баянов. “ Москва там, где мы стоим грозно и честно, Алексеич, а эта , – Гоша похлопал по стволу зенитки , – хоть и отступает, а смотрит на запад : о Берлине думает невеста“. –Ну и нехай Гитлер на ней женится. Цепляй красотку на буксир и жди награду. Да не забудь подарки Геббельсу – пару ящиков со снарядами на оружейном двореке “. – А ты куда, Баянов? –Ребят хоронить “. –Подожди, я с тобой “, – и, закончив возиться с тросом, Гоша сделал рукой знак танкистам: Айда, батырлар! Оне бюргитлер!

В боях под Можайском Гоша Абаев был тяжело ранен, но вырвался из окружения и влился вместе с товарищами по оружию в первую роту отдельного 130-го гвардейского пулемётно-артиллерийского батальона. С этого времени и до конца войны пошла у него кочевая жизнь. Военный билет Гоши Абаевича пестрит записями о перемещениях по фронтовым частям и соединениям. Менялись наименования полков и дивизий, распухал планшет с картами дислокаций зенитчиков, но неизменен был номер батальона. Гвардеец Абаев прикрывал санитарные поезда с ранеными и защищал прибывающие эшелоны с грузами. Батальон бросали в горячие точки, где, используя численное преимущество, нагнала фашистская авиация. Пулемёты и орудия, издверьми вагона в воинственном гордом куштдепти – танце туркмен: “Нет, нас нельзя победить – я вернусь живым, какаджан!“

Поздно ночью, лязгнув буферами, воинский состав с потушенными огнями остановился на подъездных путях Казанского вокзала. Прифронтовая Москва глядела на прибывшие полки из крест-накрест перечёркнутых бумажными лентами окон, встречала их массовой сосредоточенностью регулярных войск и ополчения. Вдоль бульваров, на перекрёстках улиц, в скверах и парках стояли зенитные установки из спаренных, счетверенных пулемётов и орудия. Подходы к городу прикрывали с воздуха тысячи аэростатов.

Через шесть часов батумские артиллеристы заняли оборону на юго-западных рубежах столицы в районе Бородино и стали окапываться. Так же, как 129 лет назад и тоже осенью, в этих же самых местах, солдаты месили сапогами жидкую грязь,

смешанную с глиной и прелыми листьями и возводили новые редуты – окопы и блиндажи. Замаскировать оружие – дело непростое: необходимо перекидать через себя не один кубометр земли. Гоша сноровисто орудовал сапёрной лопаткой и закапывался вглубь, а перед ним и сбоку вырастали бугры сырой земли. Правда войны – суровая правда. Подвиг солдат рождался в будничном труде, был скромнен и незаметен, но героизм их был повседневным. Из вынудой ими за годы войны земли, сложи её вместе, вырос бы огромный курган солдатской славы, с вершины которого уже тогда, в 41-ом, была бы видна грядущая Победа.

Обо всём этом, Гоша, конечно, не думал, когда влез на готовый почти бруствер и огляделся вокруг. Вечерело. Тысячи москвичей, жителей Можайска и окрестных сёл рыли противотанковые рвы, возводили земляные укрепления. Абаев спустился с насыпи и пошёл помочь замешкавшимся новобранцам собрать тяжёлый пулемёт ДШК. На его сборку уходило часа два-три. В свои двадцать лет Гоша уже хлебнул солдатской каши на действительной и был признанным старослужащим. Он быстро разъяснил новичку-сержанту – командиру расчёта, что к чему, и для наглядности стал с азартом подгонять детали одну к другой. Словосочетание “неформальный лидер” тогда не знали, а фраза “неуставные отношения” была не в ходу. Жили вековые традиции армии, по которым бывалый солдат пользовался непререкаемым авторитетом в роте. Заслужив его, многие фронтовики гордились званием рядового не менее, чем маршал своим жезлом. Таким был Гоша Абаев.

От сборки солдат отвлёк сильный взрыв: в воздух взлетели ящики с боеприпасами, и снаряды падали вниз вместе с дымными курящимися дощечками; на мокрой почве они шипели и гасли. В двухстах шагах от артиллеристов стояло то, что осталось от трёхтонки с детонировавшими снарядами: задранный кверху нос ЗИСа с кабиной, отрезанной как ножом от остальной части грузовика. Ни кузова, ни кардана, ни заднего моста с причиндалами поблизости не оказалось. В кабине в неестественно смешной позе, вцепившись в баранку, лежал е выпученными глазами бледный как смерть водитель и ничего не понимал. На кабине ни царапины. Никто не пострадал. Чудо?! На фронте и не

такое случалось. Гоша с товарищами помог ему выползти из кабины, налил спирту. Контуженый шофёр – седой мужик лет 45-ти, в корноухой шапчонке и потрёпанной фуфайке с нашивками ополченца – пришёл в себя и заплакал. Смех и шутки смолкли как по команде, все занялись своим делом. В небе над ними кружил уродливым коршуном “Фокке- Вульф- 189” – “ рама “. Но никто не обратил на него внимания. Ночью усталые, промокшие солдаты спали вповалку вокруг лафета. Прижавшись друг к другу, чтобы согреться, они сжимали во сне шанцевый инструмент, медаль “За оборону Ленинграда”. Ещё не была учреждена медаль “За оборону Москвы”, но и она найдёт своего героя.

С начала августа 1944 года летучий отряд бойцов зенитной артиллерии принял участие в непрерывных наступательных операциях в Прибалтике. В составе 389-го сапёрного полка гвардии рядовой Абаев с товарищами прикрывал на переправах десант 8-ой армии Ленинградского фронта. После освобождения Моонзундского архипелага батальон расположился в казематах морской крепости на острове Эзель (Сааремаа). Фашистские рейдеры пытались высадить на остров пехоту, но ушли с большим уроном для себя от меткого огня зенитчиков, защищённых на этот раз толстыми стенами бетонных капониров.

В 45-ом Гоша вернулся домой, в Красноводск, с победой – в орденах и медалях на груди. Из армии ушёл, но дело, где требуются смелость и мужество, не оставил. До самой пенсии Гоша Абаевич проработал в органах внутренних дел. Послужной список сержанта милиции Абаева отмечен государственными и правительственными наградами, в том числе медалью “ За отличную службу по охране общественного порядка “.

И убедительный пример того, что мир может отстоять только честный патриот, для которого Родина не пустой звук, а ключевое слово, определяющее духовную целостность человека – его помыслы, действия и поступки.

– Нет ничего дороже Родины, – рассказал нам в последней встрече почти столетний Гоша ага– святапамять о тех, кто отдал за неё свою жизнь. В нашей стране подвиг сынов. Отчизны оценён по высшей шкале справедливости. Пробуждает в людях лучшие их качества, воспитывает преданность и верность своему народу,

освещает дорогу добра и мира.

Шахымердан Сарыоглы. Taryhy makalalar